

## ИРАКСКИЙ СИНДРОМ: ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2015 г. **В.И. Батюк\***  
*Институт США и Канады РАН, г. Москва*

*После вывода американских войск из Ирака в военной политике США произошли серьёзные перемены. Вашингтон будет стремиться избегать прямого вовлечения американских вооружённых сил в региональные конфликты. На военном планировании США будет сказываться также нехватка финансовых средств и необходимость адаптации к полицентричному миру.*

**Ключевые слова:** стратегия национальной безопасности, иракский синдром, региональное военное партнёрство, негосударственные субъекты международных отношений.

### Вьетнамский синдром и иракский синдром

После вывода американских войск из Индокитае в 1973 г. официальный Вашингтон столкнулся с рядом серьёзнейших проблем в своей стратегии национальной безопасности.

Во-первых, это вьетнамский синдром, который на протяжении более десяти лет (вплоть до второй половины 1980-х годов) способствовал широкому распространению антивоенных настроений в американском электорате, препятствуя тем самым проведению широкомасштабных военных операций вооружёнными силами США; во-вторых, поствьетнамское сокращение американских оборонных расходов – фактор, который действовал до конца 1970-х годов. В-третьих, это фактор крупнейшего военного поражения за всю историю США, что, разумеется, не могло не сказаться на международном авторитете Соединённых Штатов, а также их ближайших союзников.

Несмотря на военное поражение в Индокитае сорок лет тому назад и в Афганистане и Ираке – сейчас, США без каких-либо фатальных для себя последствий могут уйти из этих регионов. Индокитай никогда не имел жизненно важного значения для национальной безопасности Соединённых Штатов, и их участие в этой войне основывалось исключительно на идеологических причинах (имеется в виду пресловутая доктрина «сдерживания коммунизма» и её конкретное проявление – так называемая «теория домино») [3, с. 252–301]. Что же касается Ближнего и Среднего Востока, то экономическое значение этого региона для США неуклонно снижается после начала «сланцевой революции» в Соединённых Штатах.

---

\* БАТЮК Владимир Игоревич – доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований ИСКРАН. E-mail: ctas@inbox.ru

Политические итоги поражения США во Вьетнаме во многом сходны с последствиями неудач Соединённых Штатов в войнах XXI века – в Афганистане и Ираке. Широко распространённые антивоенные настроения в американском обществе\*, существенное сокращение оборонных расходов и, наконец, «клеймо» военного поражения – всё это роднит вьетнамский и афгано-иракский синдром.

Однако между вьетнамским и иракским синдромом имеются и серьёзные различия. В 1970-х годах существовала иная – биполярная – система международных отношений, и США, несмотря на неудачу в Индокитае, оставались одним из лидеров биполярного мира. Причём в отличие от СССР, который всегда был, так сказать, «одномерной сверхдержавой», чей сверхдержавный статус зиждился исключительно на советской военной мощи, Соединённые Штаты оставались бесспорным мировым экономическим и технологическим лидером, будучи при этом сравнительно малозависимыми от мирохозяйственных связей. В настоящее время, однако, официальный Вашингтон вынужден действовать в рамках иной, полицентричной, системы международных отношений, где США сталкиваются с мощной экономической конкуренцией [1] и где уровень экономической зависимости Соединённых Штатов от внешнего мира является беспрецедентным.

Сорок лет тому назад США сталкивались с вызовами со стороны **государств** – и прежде всего Советского Союза и его союзников. В настоящее время основную угрозу национальной безопасности Соединённых Штатов представляют негосударственные акторы, такие как международный террористический интернационал и международная оргпреступность. Это обстоятельство крайне осложняет планирование и принятие решений в сфере национальной безопасности США (как, впрочем, и других членов международного сообщества).

Поляризация общественно-политической жизни в Соединённых Штатах, ослабление позиций умеренных, центристских сил в двух ведущих политических партиях США – Демократической и, особенно, Республиканской – всё это крайне затрудняет процесс принятия решений в сфере внутренней и внешней политики. Консенсус по основным внешнеполитическим проблемам, существовавший в американском истеблишменте в годы «холодной войны», остался в прошлом. На смену ему пришло жёсткое идеологическое противостояние между Б. Обамой и его командой, с одной стороны, и «неоконсерваторами»-республиканцами, обвиняющими президента в слабости и некомпетентности при проведении внешней политики – с другой.

Очевидно, что в этих условиях процесс преодоления иракского синдрома будет куда более сложным и болезненным, чем преодоление вьетнамского синдрома. Следует напомнить в этой связи, что на протяжении 1970-х годов, в условиях вьетнамского синдрома, США сумели добиться серьёзных внешнеполитических успехов – достаточно упомянуть заключение мира в Кэмп-Дэвиде между Израилем и Египтом. В настоящее время, однако, официальному Ва-

---

\* Согласно опросу общественного мнения, проведённому в сентябре 2013 г. газетой «Уолл-стрит джорнел», число американцев, выступающих за то, чтобы власти США уделяли больше внимания решению внутренних проблем страны, а не «продвижению демократии» в глобальном масштабе, возросло до 74% [4].

шингтону не приходится рассчитывать на столь же масштабные внешнеполитические прорывы.

### **Иракский синдром и Пентагон: перемены в военной политике США**

Разумеется, иракский синдром самым непосредственным образом сказывается на военной политике Соединённых Штатов. В директивном документе «Поддерживая американское глобальное лидерство: приоритеты для обороны XXI века», утверждённом в январе 2012 г., президент Б. Обама поставил перед американскими вооружёнными силами следующие задачи:

- борьба с террористами и другими негосударственными игроками;
- сдерживание агрессора и нанесение ему поражения в случае, если сдержать его не удастся;
- обеспечение доступа в район проведения операций и сохранение способности вооружённых сил США проецировать свою мощь в глобальных масштабах, несмотря на противодействие потенциальных противников (в этой связи были конкретно упомянуты Иран и Китай);
- борьба с распространением оружия массового уничтожения;
- способность эффективно действовать в киберпространстве;
- способность эффективно действовать в космическом пространстве;
- поддержание безопасного, надёжного и эффективного ядерного сдерживания;
- оборона континентальной территории США и обеспечение поддержки гражданским властям;
- проведение операций по стабилизации, а также контрповстанческих операций;
- проведение спасательных, гуманитарных и других операций [18, р. 4-6].

Американское военно-политическое руководство исходит из того, что характер угрозы национальной безопасности страны меняется. В Четырёхлетнем военном обозрении (март 2014 г.) говорится о новых, асимметричных угрозах, с которыми сталкиваются США: «Соединённые Штаты сталкиваются с быстроменяющейся средой безопасности. Мы перегруппируемся, чтобы сосредоточиться на стратегических вызовах и возможностях, которые определяют наше будущее: новые технологии, новые центры силы и мир, который становится более подвижным, непредсказуемым и в некотором смысле более угрожающим Америке. Вызовы многим нашим союзникам и партнёрам по всему миру являются быстрорастущими и трудно предсказуемыми, прежде всего со стороны Северной Кореи и Ирана. Повсюду происходят мятежи и наблюдается насилие, что создаёт благоприятную среду для экстремизма и локальных конфликтов, особенно в слабых государствах, расположенных от Сахеля до Южной Азии. Эти конфликты несут угрозу и американским гражданам. В то же время характер современных войн меняется, что приводит к борьбе за контроль над пространством в воздухе, на море и в космосе, равно как и в киберпространстве, где наши силы обладали превосходством в большинстве конфликтов, в которых они принимали участие» [14, р. I].

В разработанной Комитетом начальников штабов «Основополагающей концепции межвидовых операций» (*Capstone Concept for Joint Operations*) подчёркивается, что американским вооружённым силам придётся действовать в «глобальной политической среде, которая отличается электронными системами коммуникации и общемировыми потоками капитала, товаров, людей и информации, когда география угроз и кризисов становится более сложной. Хотя большинство угроз безопасности по-прежнему коренится в конкретных регионах, многие из них вызваны транснациональными процессами. В мире, где уязвимая критическая инфраструктура имеет широкий выход на Интернет и где диверсии и терроризм могут иметь далекоидущие последствия, противники могут пойти на эскалацию в иных сферах, включая территорию самих США» [6, р. 3].

При этом официальный Вашингтон исходит из того, что Соединённые Штаты и впредь останутся лидером в системе международных отношений – несмотря на поражения и неудачи последнего десятилетия. Сказанное не означает, однако, военно-политического присутствия США в любой точке Земного шара. Как указывается в президентской директиве «Поддерживая американское глобальное лидерство», «экстремисты будут и впредь угрожать американским интересам, союзникам, партнёрам и территории самих Соединённых Штатов. Источник этих угроз находится, главным образом, в Южной Азии и на Ближнем Востоке».

При выработке стратегии национальной безопасности американские правящие круги учитывают не только угрозы, но и возможности США: «Американские интересы в области экономики и безопасности неразрывно связаны с регионом, простирающимся от Западного полушария через Восточную Азию и вплоть до Индийского океана и Южной Азии, где у Соединённых Штатов имеются и вызовы, и возможности. Соответственно, в то время как вооружённые силы США будут вносить свой вклад в укрепление глобальной безопасности, мы будем по необходимости осуществлять перегруппировку в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (курсив источника. – В.Б.) [18, р. 1-2].

Хотелось бы подчеркнуть в этой связи, что в своей азиатско-тихоокеанской стратегии Вашингтон делает ставку не только (и не столько) на переброску войск в АТР, но и на развитие союзнических и партнёрских отношений со странами региона: «Наши отношения с союзниками и ключевыми партнёрами в Азии являются жизненно важными для стабильности и роста данного региона в будущем. Мы будем укреплять существующие союзы, которые являются основой для безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Мы также будем развивать сотрудничество с новыми партнёрами в АТР, чтобы внести совместный вклад в обеспечение общих интересов» [18, р. 1-2].

В Пентагоне не скрывают, что эта новая американская стратегия будет применяться не только в АТР, но и в других регионах: «Наращивание потенциала партнёрства во всём мире имеет большое значение и для того, чтобы разделить расходы и ответственность глобального лидерства. Мы будем стремиться к тому, чтобы быть надёжными партнёрами в сфере безопасности для всех стран, включая страны Африки и Латинской Америки, чьи интересы и подходы основываются на общем видении свободы, стабильности и процвета-

ния. *Всюду, где это возможно, мы будем развивать инновационные, основанные на низких расходах и ограниченном присутствии, подходы, чтобы обеспечить наши цели в области безопасности...* (курсив источника. – В.Б.) [18, р. 3].

Следует отметить, что эти положения директивного документа Пентагона не остались лишь на бумаге. События в Ливии (2011 г.) явственно продемонстрировали нежелание официального Вашингтона напрямую вмешиваться в этот конфликт; Соединённые Штаты предпочли осуществлять «лидерство из задних рядов», предоставив своим союзникам возможность сделать большую часть работы. Да и в ситуации в Сирии США не торопятся вмешаться.

И когда в 2012 г. обострилась ситуация в Мали, что заставило официальный Париж срочно перебрасывать свои войска в эту африканскую страну, Соединённые Штаты опять предпочли не вмешиваться напрямую, ограничившись оказанием косвенной поддержки своему союзнику в виде предоставления разведанных и мобилизации усилий своих африканских партнёров.

События на Украине в 2014 г. не заставили официальный Вашингтон отказаться от своей стратегии «лидерства из задних рядов». Американское военнополитическое руководство осталось глухо к настойчивым призывам Польши и стран Балтии о размещении крупных американских воинских контингентов (численностью до бригады) на территории их стран. Несмотря на всю риторику официального Вашингтона по поводу событий на Украине, эти события никак не повлияли на решение высшего военнополитического руководства Соединённых Штатов о передислокации американских вооружённых сил в АТР. В Четырёхлетнем военном обозрении, опубликованном в марте 2014 г., указывается: «Мы продолжим перебалансировку американских вооружённых сил в направлении АТР с целью обеспечить мир и стабильность в регионе, который становится всё более важным с точки зрения политических и экономических интересов США, а также их интересов в сфере безопасности» [14, р. VIII]. При всём желании поддержать своих союзников по НАТО в Восточной Европе Соединённые Штаты не в состоянии это сделать: регион не является приоритетным для США, и у Вашингтона в условиях сокращения оборонных расходов и численности вооружённых сил просто нет возможностей и средств для размещения на востоке Европы крупных американских воинских контингентов, тем более на постоянной основе. Фактически американская сторона ограничилась отправкой боевых кораблей в Чёрное море (эсминец «Дональд Кук» в апреле 2014 г. и ракетного крейсера «Велла Галф» – в августе) и участием американских военных в ежегодных международных учениях НАТО *Saber Strike* («Удар сабли») в странах Балтии.

Причиной «смены вех» в военной политике США не в последнюю очередь стали финансовые проблемы военного ведомства и всего американского государства. В директивном документе Пентагона – «Приоритеты и альтернативы оборонного бюджета – 2014 фин. год» указывается, что оборонные расходы должны быть сокращены на 487 млрд. долл. в период 2012–2021 гг. Сокращение военных расходов неизбежно ведёт как к сокращению личного состава, так и целого ряда приоритетных оборонных программ.

Что касается личного состава вооружённых сил США, то к 2017 г. наибольшие сокращения ожидают сухопутные войска – на 64 тыс. солдат и офи-

церов (до 490 тыс. человек) и корпус морской пехоты (до 182 тыс. человек). Таким образом, самые существенные сокращения ожидают те виды американских вооружённых сил, которые принимают наиболее активное участие в локальных конфликтах [8, р. 17-18].

Как отмечается в «Бюджетном запросе министерства обороны на 2013 г.», сухопутные войска предполагается сократить, как минимум, на 8 боевых групп бригадного состава, ВМС – на 7 крейсеров и 2 больших десантных судна, ВВС – на 303 самолёта, в том числе 123 боевых (102 штурмовика *A-10* и 21 истребитель *F-16*), 150 транспортных самолётов и самолётов-заправщиков и 30 самолётов-разведчиков [9, р. 4-1, 4-2].

При этом, как указывается в Четырёхлетнем военном обозрении, масштабы сокращения военных расходов и, соответственно, численности ВС США, могут быть ещё более значительными – численность сухопутных войск может быть сокращена до 440–450 тыс. человек, а численность корпуса морской пехоты – до 175 тыс. человек [14, р. 29].

Разумеется, перемены в американской военной политике и стратегии не могли не сказаться и на оперативном искусстве. В разработанной Комитетом начальников штабов США «Основополагающей концепции межвидовых операций» подчёркивается, что глобальные интегрированные операции, проводимые американскими военными, должны включать следующие элементы:

- твёрдое управление операцией (*mission command*);
- захват, удержание и использование инициативы;
- мобильность в глобальном масштабе (*global agility*);
- партнёрство;
- гибкость при формировании межвидовых сил, участвующих в операции;
- достижение синергетического эффекта в ходе военных действий в различных средах (на суше, на воде, в воздухе, в космосе и в киберпространстве);
- максимальное использование гибких, не требующих решений на высоком уровне и активного присутствия на месте, возможностей, таких как операции в киберпространстве и в космосе, специальные операции, глобальный удар, разведка, наблюдение и рекогносцировка;
- меры по снижению возможности нежелательных последствий, вроде потерь среди мирного населения [6, р. 4-7].

### **После Ирака: новые задачи перед видами вооружённых сил США**

Иракский синдром самым непосредственным образом сказался, прежде всего, на **сухопутных войсках США**. Как было отмечено в директивном документе министерства армии «Руководство по стратегическому планированию сухопутных войск – 2012», принятом в апреле 2012 г., «на протяжении прошедшего десятилетия сухопутные войска направляли свои ресурсы и усилия на ведение двух войн, каждая из которых превратилась в контрповстанческие операции и операции по стабилизации... Однако с окончанием войны в Ираке и планами США по выводу войск из Афганистана, президент призвал сухопутные войска, равно как и министерство обороны в целом, сосредоточиться

на решении более широкого круга задач – и сделать это в условиях сокращения оборонных расходов» [20, р. 1].

Эти две войны дорого обошлись сухопутным войскам США. Выступая в марте 2011 г. перед Сенатским комитетом по делам вооружённых сил, министр армии Дж. Макхью, в частности, сказал: «На протяжении почти десятилетия сухопутные войска были вынуждены действовать в изнуряющем темпе. Высокие требования к проведению операций подвергли испытанию нашу способность обеспечивать обученные и боеготовые силы на протяжении большей части этого периода. Результатом стали разбалансированные сухопутные войска, не имеющие стратегической гибкости, чтобы действовать в чрезвычайных обстоятельствах, и неспособные сохранить систему комплектования исключительно на добровольной основе» [16, р. 3-4].

В 2012 г., выступая перед Сенатским комитетом по делам вооружённых сил, министр армии Дж. Макхью и начальник штаба сухопутных войск генерал Р. Одиерно сообщили, что до 2017 г. сухопутные войска США должны быть сокращены с 570 до 490 тыс. военнослужащих, национальная гвардия – с 358,2 до 350 тыс., резерв сухопутных войск – с 206 до 205 тыс. и гражданские служащие – с 272 до 255 тыс. человек. Таким образом, численность военнослужащих сухопутных войск и гражданских служащих сократится на 106 тыс. позиций.

Но и в этих непростых условиях сухопутные войска США должны оставаться, как говорится в «Руководстве по стратегическому планированию сухопутных войск», «самой подготовленной и хорошо оснащённой военной силой в истории с лучшим командованием» [20, р. 2].

Военно-политическое руководство США исходит из того, что значение сухопутных войск будет возрастать в современных условиях. Как полагают в Пентагоне, только сухопутные войска обладают способностью контролировать сушу; только они могут быть быстро переброшены в любую точку Земного шара в любом численном составе – от роты до корпуса, без чего Соединённые Штаты будут не в состоянии сдерживать потенциального агрессора и, в случае необходимости, выигрывать войны [15, р. 2].

Кроме того, именно сухопутные войска отвечают за логистику, связь, разведку, медицинское обеспечение и наземный транспорт при проведении межвидовых операций американских вооружённых сил. В будущем американским сухопутным войскам придётся участвовать в межвидовых, межведомственных и многонациональных операциях. При этом, как полагают в Вашингтоне, сухопутные войска США и впредь должны сохранять способность к глобальному проецированию своей мощи. «Действия, вроде размещения подразделений сухопутных войск в поддержку гибкого сдерживания, проведения манёвров для демонстрации возможностей сухопутных войск и вооружённых сил в целом, сохранения крупных и достаточно мощных сил для удержания потенциального противника в ходе крупного конфликта в другом регионе, формирования гибкой системы наращивания военного потенциала как для вооружённых сил, так и для резерва, – всё это способствует сдерживанию потенциального противника от тех действий, которые могут привести к военному конфликту» [20, р. 5].

В современных условиях, однако, вооружённые силы США в целом и сухопутные войска в частности полагаются не столько на военную мощь, сколько на военную дипломатию. Как полагают в Пентагоне, задача сухопутных войск – не только предотвращать вооружённые конфликты, но и способствовать формированию такой международной среды, которая содействовала бы интересам Соединённых Штатов и их союзников, в том числе и в регионах, где не предполагается размещать крупные контингенты американских войск для проведения широкомасштабных военных операций. Как отмечается в «Руководстве по стратегическому планированию сухопутных войск», «усилия по формированию благоприятной международной среды могут включать размещение войск на ротационной основе для проведения учений и манёвров, участие в боевой подготовке сухопутных войск и подготовке военных кадров, комплектование групп по укреплению безопасности за пределами континентальной территории США, развитие партнёрских отношений, помощь в укреплении сил безопасности, поддержка гражданских властей в период стабилизации, содействие усилиям по реконструкции и развитию, “внутреннюю оборону”\*, борьбу с терроризмом и содействие контртеррористическим операциям, малые боевые операции, не доходящие до уровня крупного конфликта, гуманитарную помощь иностранным государствам и помощь в преодолении последствий катастроф, борьбу с распространением оружия массового уничтожения – и всё это при сохранении сухопутными войсками способности проводить крупные наземные операции в глобальном масштабе» [20, р. 5].

Меняются и задачи, стоящие перед американскими **военно-воздушными силами**. Министр ВВС США М. Донли, выступая перед Сенатским комитетом по делам вооружённых сил в феврале 2011 г., указал: «*Глобальный контроль, достигаемость и мощь* – главная задача американских военно-воздушных сил, несмотря на бюджетные ограничения. *Глобальный контроль* – это способность обеспечить наблюдение за всем миром... *Глобальная достигаемость* – это способность проецировать свои превосходящие возможности, вне зависимости от расстояния... *Глобальная мощь* – это способность угрожать любой цели в мире» [19, р. 1-2].

В соответствии со взглядами руководства США, в целях совершенствования оперативного использования авиации и повышения её боевых возможностей, реализуется концепция «авиационных экспедиционных сил». Данная концепция предусматривает, что силы и средства ВВС США применяются за рубежом в виде авиационных экспедиционных формирований [2, р. 174].

В октябре 2007 г. в результате совместных усилий **ВМС, корпуса морской пехоты и береговой охраны США** впервые был разработан документ «Морская стратегия – комбинированная стратегия морской державы XXI века». «Данная стратегия, – отмечается в нём, – подтверждает использование морской мощи для осуществления действий на суше и на море. Мобильный характер и гибкость военно-морских сил обеспечивает Соединённым Штатам асимметричное превосходство в наращивании или сокращении своего военного присутствия в тех местах, где доступ невозможен или ограничен. Постоянное или длительное

---

\* То есть помощь в подготовке вооружённых сил в союзных государствах.



базирование наших вооружённых сил за рубежом зачастую имеет нежелательные экономические, социальные или политические последствия. Море – обширное пространство для манёвра, где присутствие военно-морских сил может быть отрегулировано в соответствии с условиями, которые диктуют гибкий подход к эскалации, деэскалации и сдерживанию в ходе конфликта... *Морская мощь Соединённых Штатов сохранит глобальное присутствие, чтобы обеспечить безопасность нашей родины и её граждан от прямого нападения и защитить наши интересы во всем мире»* (курсив источника. – В.Б.) [7, р. 8].

Таким образом, в новых, постиракских исторических условиях ВМС, корпус морской пехоты и береговая охрана должны обеспечить сохранение глобального американского военного присутствия, несмотря на то, что США вынуждены сокращать свои военные базы и объекты за рубежом. В цитированном выше документе указывается: «Мы не можем быть повсюду, и мы не сможем урегулировать все региональные конфликты» [7, р. 9].

Морская стратегия исходит из того, что военно-морские силы Соединённых Штатов, вероятнее всего, столкнутся с асимметричными угрозами и вызовами. При этом, подчёркивается в документе, ВМС США должны обладать достаточной мощностью, чтобы завершить на выгодных для себя условиях региональный конфликт и сдержать или победить великую державу в ходе межвидовой или коалиционной военной кампании.

Сохранение глобального военного присутствия рассматривается американскими военными как важнейшая задача. Именно на её решение направлена разработанная командованием четырёх видов вооружённых сил США (сухопутных войск, ВВС, военно-морских сил и корпуса морской пехоты) и утвержденная министром обороны концепция «воздушно-морского сражения» (*Air-Sea Battle*), основные положения которой были опубликованы в мае 2013 года. Данная концепция, разработанная в 2012 г. в результате коллективных усилий руководства четырёх видов ВС США, направлена на обеспечение доступа американских вооружённых сил к жизненно важным для них средам, включая сушу, море, воздушное пространство, космос и киберпространство. Концепция должна позволить ВС США решать различные задачи – от «демонстрации флага» до военной победы в широкомасштабном военном конфликте над противником, применяющим современные вооружения [5, р. i].

Разработчики концепции (на уровне заместителей председателя Комитета начальников штабов) особо подчеркнули при этом, что, в отличие от американской концепции «воздушно-наземного сражения» 1980-х годов, концепция «воздушно-морского сражения» носит «сугубо оборонительный характер». Действительно, военно-политическая задача, которую решает данная концепция – не расширение американской сферы влияния, а, напротив, сохранение тех возможностей, которые вооружённые силы США считают само собой разумеющимися, по крайней мере после 1945 г. Как указывается в этой связи в документе, «в результате комбинированного применения стратегии воспрепятствования / воспреещения доступа (ВВД) (*Anti-Access and Area-Denial, A2/AD*) делает проецирование военной мощи США более рискованным, а в некоторых случаях невозможным, позволяя в то же время почти равным противникам и региональным державам навязывать своё влияние за пределами своих границ.

Соединённые Штаты будут не в состоянии применять силу так, как они привыкли это делать в прошлом: наращивать комбинированную военную мощь в том или ином районе, осуществлять тщательную подготовку и налаживать межвидовое взаимодействие, чтобы затем проводить операции тогда и там, где они пожелают. Овладев этими передовыми технологиями ВВД, потенциальные противники меняют условия ведения военных действий, к которым США привыкли за последние полвека» [5, р. 2].

Центральная идея данной концепции – обеспечение глобального военного присутствия американских вооружённых сил вопреки мерам противодействия со стороны потенциальных противников. «Содержащееся в концепции видение сетцентрических, интегрированных и предусматривающих атаку на глубину (*attack-in-depth*) операций требует применения сил во всех средах, где идёт вооружённая борьба (воздух, море, суша, космос и киберпространство), с тем чтобы сорвать попытки воспрепятствовать доступу американских вооружённых сил к театру военных действий, затруднить их действия на ТВД и обеспечить максимальные операционные преимущества дружественным межвидовым и коалиционным силам» [5, р. 4].

### **Региональные аспекты военной политики США в постиракский период**

После окончания «холодной войны» американские правящие круги стремились закрепить свою гегемонию на **Ближнем Востоке**, расширив американское присутствие и на Центральную Азию. Американская интервенция в Ираке в 2003 г. стала логическим продолжением этой политики. Однако попытки найти простые решения проблем, с которыми сталкивается регион Большого Ближнего Востока, уже в который раз закончились полным провалом.

В соответствии с новой стратегией национальной безопасности, утверждённой Б. Обамой в мае 2010 г., американские интересы в регионе будут обеспечены не за счёт военного присутствия, а посредством дипломатических усилий и помощи социально-экономическому развитию стран региона. Следует отметить в этой связи, что в числе приоритетов американской политики на Ближнем Востоке («непоколебимая приверженность» обеспечению безопасности Израиля; «достижение законных устремлений палестинского народа к обретению своей государственности»; «единство и безопасность Ирака»; «трансформация иранской политики»; «нераспространение и борьба с терроризмом») новая стратегия национальной безопасности совершенно не упоминает «демократизацию» данного региона.

Официальный Вашингтон в последние годы всё больше делает ставку в своей региональной политике не на прозападных либералов, а на традиционных носителей власти и влияния в лице правителей абсолютных монархий Персидского залива. Дело, разумеется, не только в демократических ценностях. Соединённые Штаты, за редкими исключениями, размещают на постоянной основе свои вооружённые силы преимущественно на территории высоко развитых капиталистических государств со стабильными демократическими режимами. Неудивительно поэтому, что, несмотря на массированное военное

присутствие американских войск в зоне ответственности Центрального командования, там имеется сравнительно немного постоянно действующих американских военных баз, на которых расквартированы американские военные (2333 человека – в Бахрейне, 29 – в Египте, 158 – в Катаре, 37 человек – на территории Объединённых Арабских Эмиратов). А всего в районе Персидского залива и в непосредственной близости от него расквартировано 35 тыс. американских военнослужащих.

Как заявил в декабре 2013 г. министр обороны США Ч. Хейгел, в своей ближневосточной политике Соединённые Штаты во всё большей степени полагаются не столько на военную мощь, сколько на иные рычаги влияния, включая дипломатию, экономическое сотрудничество, торговлю, содействие развитию. Что касается военной мощи, то американское военно-политическое руководство предполагает использовать её более эффективно, а главное – в рамках более тесного сотрудничества с партнёрами и друзьями (в этой связи министр обороны привёл в качестве примера американо-российское сотрудничество в ликвидации химического оружия в Сирии).

О том, что американские военные не собираются уходить из региона, свидетельствуют следующие факты:

- до 35 тыс. американских военных расквартированы в зоне Персидского залива и в непосредственной близости от него;
- в регионе размещены большие склады с американским тяжёлым вооружением;
- на американских авиабазах в Персидском заливе размещены новейшие американские истребители, включая *F-22 Raptor*;
- на суше и на море в районе Персидского залива находятся системы ПРО;
- там же развернуты системы разведки, наблюдения и оповещения [10].

События лета 2014 г., когда исламская экстремистская группировка «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) вторглась на территорию Ирака, президент Б. Обама не стал вводить на территорию страны американские сухопутные войска, ограничившись поддержкой иракских вооружённых сил с воздуха и предоставлением им разведданных и оборудования. Что касается присутствия американских военных в Ираке, то их количество и функции будут ограничены охраной американского посольства в Багдаде и подготовкой иракских и курдских войск [17]. Таким образом, и в данном конкретном случае американское военно-политическое руководство старалось избежать широко-масштабного участия вооружённых сил США в этом локальном конфликте.

Хотелось бы обратить внимание на тех региональных союзников, которые приняли участие в авиаударах по позициям ИГИЛ в Ираке и Сирии. Это такие «светочи демократии», как Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Бахрейн и Катар. Очевидно, что в настоящее время официальный Вашингтон заинтересован не столько в продвижении демократии на Ближнем Востоке, сколько в укреплении своих военно-политических позиций в регионе.

Хотя военно-политическое руководство США решило не выводить американские войска из Афганистана полностью, оставив там и после 31 декабря 2014 г. 9800 американских солдат и офицеров, их задача будет достаточно ограниченной: подготовка афганских вооружённых сил и контртеррористические

операции лишь в отношении тех афганских боевиков, которые готовят террористические акты против американских военных в стране [12].

Исходя из того, что соотношение сил в **Азиатско-Тихоокеанском регионе** меняется, и с этим надо считаться, администрация Обамы предприняла определённые усилия, направленные на нормализацию американо-китайских отношений и пересмотр американской политики в Восточной Азии в целом.

Как отмечалось в Стратегии национальной безопасности 2010 г. (СНБ2010), Вашингтон будет проводить свои интересы в АТР посредством укрепления союзнических отношений с традиционными американскими союзниками в регионе, но одновременно будет развивать партнёрские отношения с «растущими державами» и поддерживать многосторонние организации, такие как АТЭС, АСЕАН и «Транстихоокеанское партнёрство». «Мы будем и впредь поддерживать позитивные, конструктивные и всесторонние отношения с Китаем, – указывается в документе. – Мы будем приветствовать роль Китая в качестве ответственного лидера во взаимодействии с Соединёнными Штатами и международным сообществом в решении таких приоритетных проблем, как экономическое восстановление, изменение климата на планете и нераспространение». При этом, однако, в СНБ-2010 подчёркивается, что Вашингтон «будет следить за программой военной модернизации Китая и принимать меры, чтобы интересам США, их союзников, как региональных, так и глобальных, не был нанесён ущерб» [13, р. 44]. При этом в отличие от СНБ-2006, в Стратегии национальной безопасности 2010 г. не ставится задача демократизации данного региона.

Конкретизируя эти положения СНБ-2010, документ «Национальная военная стратегия США. 2011 г.» указывает на необходимость поддержания тесных партнёрских отношений с такими странами, как Южная Корея, Япония, Филиппины, Австралия, Сингапур, Индонезия, Малайзия, Вьетнам и Таиланд. Что касается Китая, то в «Национальной военной стратегии», с одной стороны, говорится о желательности поддержания всестороннего военного сотрудничества с КНР, особенно в таких областях, как борьба с пиратством, безопасность на Корейском полуострове и предотвращение распространения оружия массового уничтожения. С другой стороны, подчёркивается: «Мы по-прежнему озабочены масштабами и стратегическими целями военной модернизации Китая и его напористостью в освоении космического пространства, киберпространства, а также его присутствием в Жёлтом море, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Чтобы защитить американские интересы и интересы наших партнёров, мы готовы продемонстрировать волю и выделить ресурсы, необходимые для противостояния действиям любой страны, препятствующей свободе мореплавания и освоению космического пространства либо угрожающей безопасности наших союзников» [12, р. 14].

Наконец, в директивном документе Пентагона «Бюджетные приоритеты и решения в сфере обороны» прямо говорится о сдвиге американской военной политики в направлении АТР и Ближнего Востока. «Фокус на Азиатско-Тихоокеанский регион означает больший упор на военно-воздушные и военно-морские силы, при сохранении существующего уровня присутствия сухопутных сил... Вот почему мы сохраняем существующий уровень бомбардировочных сил; поддерживаем авианосный флот на уровне 11 авианосцев и 10 авиакрыльев палуб-

ной авиации; сохраняем флот больших десантных кораблей; поддерживаем структуру сухопутных войск и корпуса морской пехоты в АТР, сохраняя в то же время постоянное присутствие на Ближнем Востоке; выделяем средства на объект передового базирования для кораблей береговой охраны в Сингапуре и патрульных судов в Бахрейне; инвестируем в разработку новой плавучей базы, которая может быть применена в тех местах, где нет доступа к постоянным военно-морским базам, например, при разминировании» [8, р. 5].

В этом громадном регионе находятся как те государства, перед которыми у США имеются союзные обязательства (Американо-филиппинский договор о взаимной обороне 1952 г.; АНЗЮС (Австралия – Новая Зеландия – Соединённые Штаты) 1952 г.; Американо-южнокорейский договор о взаимной обороне 1954 г.; Договор о коллективной обороне в Юго-Восточной Азии между США, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом и Филиппинами; Американо-японский договор о взаимной обороне 1960 г.), так и те страны, которые официальный Вашингтон рассматривает как своих основных геополитических и идеологических противников (КНР, КНДР и РФ).

И хотя в Вашингтоне считают военно-политическую обстановку в АТР в настоящее время достаточно стабильной, американские правящие круги исходят из того, что непосредственное военное присутствие американских войск в данном регионе является безальтернативным.

По состоянию на 2010 г., в оперативном подчинении Тихоокеанского командования находились 140 тыс. американских военнослужащих.

В настоящее время Тихокому подчиняются следующие объединённые командования: Командование американскими войсками в Корее; Командование американскими войсками в Японии; Аляскинское командование; Командование специальными операциями на Тихом океане.

Кроме того, Тихоокеанскому командованию подчиняются Объединённый разведывательный центр и Объединённая межвидовая тактическая группа. Согласно заявлению начальника Управления морских операций ВМС США адмирала Дж. Гринерта, самая сильная группировка американских ВМС находится в западной части Тихого океана и насчитывает 50 кораблей.

Тихоокеанское командование находится в процессе трансформации. Третья тактическая экспедиционная группа морской пехоты перебрасывается с территории Окинавы на остров Гуам (8 тыс. военнослужащих из 18 тыс. морских пехотинцев, расквартированных на Окинаве, и 9 тыс. членов их семей). Данный факт не означает, однако, ослабления японо-американского военного союза: скорее, можно говорить о его дальнейшем развитии в новых условиях. Этот союз крайне важен для официального Вашингтона. И дело не только в том, что ни одна из союзных с Соединёнными Штатами стран не выплачивает американской стороне столь значительную компенсационную сумму за присутствие вооружённых сил США на своей территории (4 млрд. долл. ежегодно).

В апреле 2012 г. было опубликовано совместное заявление американо-японского консультативного комитета безопасности, в котором говорилось о договорённости относительно планов передислокации американского контингента морской пехоты с Окинавы на остров Гуам. После перегруппировки на Окинаве останется около 10 тыс. морских пехотинцев. Соглашение также ус-

танавливает расходы японской стороны на передислокацию на Гуам в размере 3,1 млрд. долл. (при общей стоимости мероприятия в 8,6 млрд. долл.). Один из элементов соглашения подразумевает устройство площадок для совместной боевой подготовки американских и японских вооружённых сил на Гуаме и в Содружестве Северных Марианских островов. В соглашении подтверждаются обязательства обеих стран перенести постоянный аэродром морской пехоты «Футенма» в более отдалённые районы острова Окинава. До того как это произойдёт, оба государства разделят затраты на поддержание работоспособности базы. Определять график работ по перемещению базы будет японская сторона.

\* \* \*

Итак, военная машина Соединённых Штатов была вынуждена приступить к болезненной адаптации к изменившимся внутри- и внешнеполитическим условиям.

*Во-первых*, серьёзные экономические проблемы, с которыми столкнулись США, вынудили официальный Вашингтон сделать то, что было для американской элиты табу после 11 сентября 2001 г. – пойти на реальное сокращение оборонного бюджета. Разумеется, и после сокращения оборонных расходов на 487 млрд. долл. на протяжении ближайших 10 лет американские военные расходы останутся крупнейшими в мире. Однако теперь Пентагону приходится делать то, от чего он отвык при президенте Дж. Буше-мл. – учиться экономить на своих расходах, отказываясь и от перспективных оборонных программ.

*Во-вторых*, американским военным пришлось пересмотреть первоначальные установки на абсолютное технологическое превосходство в американоцентричном мире. Пентагон столкнулся с ситуацией, когда превосходство на поле боя ещё не гарантирует победы в войне. Американское военно-политическое руководство постепенно пришло к пониманию того, что послевоенное восстановление может иметь не меньшие последствия, чем самая успешная военная операция. Американским военным приходится учиться не только воевать с новым, нестандартным противником, вроде террористических группировок, но учиться заниматься «нациестроительством».

*В-третьих*, мир становится многополярным – и это обстоятельство не может не учитывать официальный Вашингтон при выработке своей военной политики. С одной стороны, Соединённым Штатам приходится считаться с мощью таких быстрорастущих центров силы, как Китай, а с другой – всё более активно использовать возможности своих союзников и партнёров, в том числе и тех из них, кого никак нельзя назвать демократическими.

Перемены в американской военной политике затронули и оборонный бюджет, и численность личного состава, и доктринальные установки официального Вашингтона по вопросам стратегии национальной безопасности и военной стратегии, и систему боевой подготовки американских ВС. Серьёзные перемены претерпела и региональная военная политика Соединённых Штатов.

Представляется, что в любой обозримой перспективе та травма, которая была нанесена и американским вооружённым силам, и американскому обществу в ходе затянувшихся, кровопролитных и неудачных военных кампаний в Афганистане и Ираке, будет сказываться на процессе принятия решений по вопросам национальной безопасности США.

## Список литературы

1. МВФ: США уступают Китаю место крупнейшей экономики мира // The Russian Times. 9.10.2014 (<http://theruiantimes.com/news/12987.html>).
2. Сидорин А.Н., Прищепов В.М., Акуленко В.П. Вооружённые силы США в XXI веке: Военно-теоретический труд. М.: Кучково поле; Военная книга, 2013.
3. Уткин А.И. Мировая «холодная война». М.: Эксмо; Алгоритм, 2005.
4. Экспорт демократии// Взгляд. 17.09.2013 (<http://www.vz.ru/world/2013/9/17/650708.html>).
5. Air-Sea Battle. Service Collaboration to Address Anti-Access and Area-Denial Challenges. Air-Sea Battle Office. May 2013.
6. Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020. September 10, 2012.
7. Cooperative Strategy for 21<sup>st</sup> Century Seapower. October 2007.
8. Defense Budget Priorities and Choices. Fiscal Year 2014. April 2013.
9. Fiscal Year 2013 Budget Request. Overview. February 2012. Office of the Under Secretary of Defense (comptroller). Chief Financial Officer.
10. IISS Manama Dialogue. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel, Manama, Bahrain. Saturday, December 7, 2013 (<http://www.defense.gov/speeches/speech.aspx?speechid=1824>).
11. Mazetti M., Schmitt E. In a Shift, Obama Extends U.S. Role in Afghan Combat // The New York Times. 21.11.2014.
12. National Military Strategy of the United States of America. 2011. Redefining America's Military Leadership. Washington, D.C., February 2011.
13. National Security Strategy. Washington, D.C. White House. May 2010.
14. Quadrennial Defense Review 2014. March 2014.
15. Record Version Statement by the Honorable John M. Mchugh, Secretary of the Army and General Raymond T. Odierno Chief of Staff United States Army before the Committee on Armed Services United States Senate First Session, 113th Congress on the Posture of the United States Army. 23.04.2013.
16. Statement by the Honorable John M. Mchugh, Secretary of the Army before the Committee on Armed Services United States Senate First Session, 112th Congress on the Posture of the United States Army. 31.03. 2011.
17. Statement by the President on ISIL. 10.09. 2014 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/09/10/statement-president-isil-1>).
18. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 2012.
19. United States Air Force Posture Statement 2011. Department of the Air Force Presentation to the Committee on Armed Services United States Senate Fiscal Year 2012 Air Force Posture Statement. Statement of: The Honorable Michael B. Donley Secretary of the Air Force General Norton A. Schwartz Chief of Staff, United States Air Force. 17.02. 2011.
20. 2012 Army Strategic Planning Guidance. 19.04. 2012.